

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СЕКТАНТСТВА

В. А. МАРТИНОВИЧ

Глубокий анализ места и роли нетрадиционной религиозности в современном обществе невозможен без изучения специфических особенностей восприятия сектантства в общественном дискурсе. Настоящая статья посвящена анализу процесса идентификации сектантства как неотъемлемой составляющей осмысленной реакции различных институтов общества на феномен новых религиозных движений. При этом акцент ставится на выявлении общего механизма работы данного процесса без привязки к конкретному времени и месту его протекания. Особое внимание уделяется анализу субъектов идентификации сектантства, критериям отнесения организаций к сектам, особенностям фильтрации материалов сектантских сообществ, а также интенциональности как существенной характеристике всего этого процесса. Разбираются факторы, влияющие на селективный характер восприятия сектантства в обществе, а также одно из основных его последствий — существование в любом социуме значительных сегментов нетрадиционной религиозности, которые не распознаются и не идентифицируются всеми институтами общества в качестве относящихся к сектантству. В этом контексте проводится различие между «наблюдаемой», «потенциальной» и «действительной» границами нетрадиционной религиозности, отражающими разные уровни возможной и реальной рефлексии в общественном дискурсе над общим объемом сектантства в той или иной стране мира. Подчеркивается избирательность и пассивность различных институтов общества в их реакции на феномен новых религиозных движений. Проводятся некоторые границы возможного объяснения процесса идентификации сектантства посредством теорий «расширения девиации» и «моральной паники». Выявляются некоторые последствия процесса идентификации сектантства как для основных институтов общества, так и для самих новых религиозных движений.

Восприятие нетрадиционной религиозности (далее — НР) в общественном дискурсе имеет селективный характер, анализ специфических особенностей которого позволяет условно разделить все многообразие новых религиозных движений (далее — НРД) на две группы. К первой будут относиться организации, идентифицированные или распознанные в дискурсивном поле общества в качестве НРД. Во вторую войдут сообщества, которые по своим ключевым характеристикам могут быть отнесены к числу НРД, но они при этом никем не идентифицируются и не распознаются в качестве таковых. Являясь НРД, они как бы никем не замечаются и работают с населением, не будучи вовлечены в баталии вокруг сектантства. Для научного анализа феномена НР имеет серьезное значение как само это разделение, так и процесс идентификации сектантства или перехода организации в представлениях тех или иных институтов общества из второй группы в первую.

Почему одни НРД идентифицируются в качестве таковых, а другие нет? Какое значение имеет сам факт отнесения той или иной группы к числу сект, культов, НРД? В какой степени понимание процесса идентификации сектантства способно пролить свет на целый ряд проблем и вопросов, связанных с осмыслением места и роли НР в обществе? В настоящей статье будет предпринята попытка дать ответ на эти и некоторые иные вопросы.

Процесс идентификации сектантства является неотъемлемой составляющей осмысленной реакции различных институтов общества на увеличивающуюся дифференциацию религиозного пространства страны либо на его фактически данное разнообразие. Несущий каркас этого процесса сохраняется неизменным вне зависимости от того, в какую эпоху и в каком регионе мира он протекает, а также кем и как конкретно сектантство определяется. Не имеет принципиального значения, с использованием какой терминологии некоторые группы идентифицируются в качестве «сектантских». Термины «секта», «культ», «сектантство», «нетрадиционная религиозность», «новые религиозные движения» и т. д. выступают в данной статье лишь как наиболее узнаваемый маркер того, какой конкретно сегмент религиозного пространства имеется в виду. Автором было найдено порядка 260 альтернативных терминов, использовавшихся в процессе идентификации сектантства в самых разных контекстах¹. При этом несущий каркас этого процесса от изменения терминов и связываемых с ними определений нисколько не менялся. Соответственно, методологически обязательным условием анализа этого каркаса является «вынесение за скобки» всех определений НР и ее составляющих, которые неизменно сопровождают идентификацию сектантства и во многом зависят от особенностей ее протекания. Вне всякого сомнения, такое дистанцирование от терминов и определений было бы невозможно, если бы статья была посвящена разбору идентификации сектантства в конкретной стране мира для точно заданного периода времени. Однако избранный ракурс темы позволяет акцентировать внимание на самом процессе осмысления различными институтами общества дифференциации религиозного поля, протекающем определенным образом и имеющем конкретные последствия вне зависимости от используемых при этом терминов и определений.

Под идентификацией сектантства здесь и далее будет пониматься процесс установления полного совпадения характеристик той или иной религиозной организации с одной из форм организации НР. В каждом акте идентификации можно выделить следующие ключевые элементы:

- а) субъект процесса идентификации сектантства,
- б) критерии отнесения группы к числу НРД,
- в) материалы о какой-либо организации, сообществе или явлении.

Все три компонента соединены единым процессом, в границах которого субъект идентификации сектантства устанавливает соответствие материалов о какой-то организации собственным критериям отнесения групп к числу НРД. Каждый из этих элементов является переменной с разным количеством значений, всё многообразие комбинаций и взаимных пересечений которых вместе со

¹ *Мартинович В. А.* Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Минск, 2015. Т. 1. С. 81–83.

спецификой их взаимодействия друг с другом образуют целостную систему идентификации сектантства. В ходе исторического развития менялись как значения переменных, так и доминирующие комбинации их соединений друг с другом. В Древнем мире, Античности, Средневековье и в Новое время эта система, вслед за самой НР, приобретала свой уникальный и неповторимый портрет, отражавший уровень внимания и специфику отношения современников к этому феномену. Соответственно анализ этих элементов является основным путем как к пониманию устройства несущего каркаса процесса идентификации сектантства, так и причин селективного восприятия феномена НР в общественном дискурсе.

Субъекты процесса идентификации сектантства

К субъектам процесса идентификации сектантства относятся как различные институты общества, так и частные лица, которые в силу разных причин полагают для себя в той или иной степени важным как-то отреагировать на деятельность конкретных НРД или феномена НР в целом. Этот процесс имеет для них разное значение, и, погружаясь в него, они преследуют порой прямо противоположные цели и задачи.

В науке идентификация сектантства является одним из инструментов, упрощающих анализ как религии и религиозности в целом, так и конфессионального пространства той или иной страны мира в частности. Отнесение тех или иных организаций к числу НРД здесь значимо не само по себе, но лишь в той степени, в какой оно способствует более объективному, глубокому и точному пониманию феномена НР в границах профильной для конкретного ученого или научно-исследовательского института дисциплины. Соответственно для разных дисциплин этот процесс будет иметь различное значение. Социологам и религиоведам он будет, возможно, более важен, чем, например, психологам, философам или лингвистам. Конечно же, во всех сферах научного анализа религии всегда будет существовать достаточно широкий круг тем и вопросов, разрешение которых не потребует обращения к идентификации сектантства и различения между разными типами религиозных организаций.

Для государства этот процесс является инструментом, значение которого во многом зависит от конкретной страны и ее актуальной политики в области религии. С одной стороны, он может служить средством, упрощающим понимание специфики конфессионального пространства вообще и взаимоотношений между религиозными группами в частности. В этом случае интересы госорганов и науки будут во многом совпадать. С другой стороны, идентификация сектантства может являться удобным инструментом стигматизации неугодных религиозных групп, например иностранного происхождения, для решения исключительно политических задач. С третьей — государство может полностью дистанцироваться от этого процесса. Углубленный анализ мог бы выявить существенные различия в мотивациях и формах реализации одного и того же подхода со стороны разных государств. Так, например, дистанцирование Госдепа США от процесса идентификации сект кардинально отличается по своей мотивации, форме и результатам от аналогичного ухода от этой темы в Северной Корее.

Для религиозных организаций данный процесс является средством размежевания с иными формами религиозной жизни и опыта, инструментом защиты собственных членов от внешних нежелательных влияний, а также фактором, стимулирующим внутреннюю рефлексию и развитие богословской мысли. При этом следует учитывать, что со стороны религиозных организаций в него вовлечены не только традиционные религии, но и сами НРД, многие из которых занимают достаточно активную позицию в вопросе идентификации сектантства и критике иных религиозных групп.

Для СМИ этот процесс имеет преимущественно информационно-развлекательную функцию, которая реализуется прежде всего в рамках критических материалов против сект. При этом даже обличение сектантства для СМИ важно лишь в той степени, в которой оно способно поддерживать и развивать интерес читателей и зрителей, что помогает увеличить тиражи газет и рейтинги телевизионных передач.

Для общественных организаций и инициатив идентификация сектантства является средством представления своей позиции в окружающем обществе. При этом общественные объединения можно разделить на две основные группы: а) организации, с темой религии и сект по роду своей деятельности никак не связанные; б) организации, специализирующиеся на теме сектантства. Первые затрагивают тему НРД достаточно редко, но каждый раз находят тот или иной ее ракурс, позволяющий им решить в первую очередь свои собственные уставные цели и задачи. Так, группа, работающая с молодежью, может провести какое-то мероприятие, посвященное влиянию сект на молодежь, и даже издать брошюру на эту тему. Вторые обращаются к идентификации сектантства в рамках достижения самых разных целей, начиная от борьбы с сектами, помощи людям, пострадавшим от сект, и заканчивая защитой прав и свобод религиозных меньшинств, направленной во многом против антисектантских организаций. При этом для данного процесса как борьба с сектами, так и их защита являются равнозначными по смыслу, так как в обоих случаях ведут к осмыслению дифференциации религиозного пространства.

Наконец, *для частных лиц* идентификация сектантства практически всегда является средством объяснения тех или иных событий, которые произошли или продолжают развиваться с ними самими или с кем-то из их ближайшего окружения. Рядовые граждане никогда без особых для того оснований не задумываются о теме сект и не приходят к мысли о сектантской природе тех или иных явлений. В нормальной ситуации люди не осмысливают события повседневной жизни с поправкой на сектантский фактор. В подавляющем большинстве случаев человек перебирает множество самых разных интерпретаций происходящего с ним и его окружением, прежде чем сам или с подсказки окружающих привлечет сектантство в качестве концепта, позволяющего интерпретировать тот или иной событийный ряд.

Упомянутые институты общества не исчерпывают всё многообразие субъектов идентификации сектантства, и, конечно же, этот процесс может иметь для них целый ряд иных смыслов и значений. В данном случае важно не исчерпывающее их представление, а описание некоторых примеров наиболее очевидных

причин и поводов обращения к проблематике НРД, которые оказывают самое непосредственное влияние на специфику хода протекания данного процесса.

Критерии идентификации сектантства

Преследуя собственные цели и задачи, субъекты идентификации сектантства формируют различные критерии, которые полагаются в основу данного процесса. Ввиду того что большинство субъектов идентификации не имеют отношения к науке, это приводит к отсутствию независимой критической оценки и перепроверки критериев на степень их объективности, обоснованности и глубины проработки. Это не означает их безусловной несостоятельности, но достаточно часто предполагает учет только какого-то одного параметра, который может быть важным, но может быть также и второстепенным. Конечно, существуют несостоятельные и никак не обоснованные критерии, которые скорее запутывают тех, кто к ним обращается, чем помогают разобраться в многообразии форм религиозной жизни. Вне всякого сомнения, самые проработанные и обоснованные критерии появляются в границах академической науки. С точки зрения последней большинство остальных критериев будут неприемлемы, внутренне противоречивы и необоснованны. Так, например, в современном обществе достаточно часто в качестве основного критерия отнесения какой-то группы к числу сект используется ее вредоносность и деструктивность. При этом весь процесс идентификации сводится к демонстрации реального и/или придуманного негатива как аргумента в пользу сектантскости группы. С позиций академической науки установление опасности религиозной организации является возможной и вполне допустимой операцией, которая, однако, вне зависимости от ее результата не является свидетельством о ее сектантстве. Точно так же установление безопасности организации не является аргументом в пользу ее несектантского характера. В результате второстепенный с позиций академической науки критерий опасности / безопасности имеет первостепенное значение для целого ряда субъектов идентификации.

Важно также отметить, что идентификация сектантства в диахронической перспективе является не историей поступательной рационализации критериев отнесения тех или иных групп к НРД, но историей критериев, вырабатывавшихся на злобу дня, обусловленных конкретным социокультурным контекстом реакций на феномен НР и связанные с ним вызовы. Обоснованность и глубина проработки критериев никогда не являлась доминирующей или даже сколь-нибудь значимой ценностью для большинства институтов общества. Огромный прорыв в научном осмыслении НРД в XX–XXI вв. является отражением общего развития науки в целом, а не индикатором существенных изменений в системе идентификации сектантства. Развитие науки, безусловно, влияет на эту систему, но ни в коем случае не определяет хода и логики ее развития в целом, которые далеки от каких-либо стремлений к объективности и понятийной ясности. В результате для системы идентификации сектантства, которая происходит по большей части вне границ кабинетов академических ученых, эмоциональность, необоснованность критериев, а также терминология, отягощенная негативными коннотациями, являются нормой, а нейтральный и обоснованный понятий-

ный и терминологический аппарат — исключением из правила. Строго говоря, общество, реагируя на НР, нередко столь сильно запутывается в собственных представлениях о ней, что в значительном числе своих представителей погружается в мир симулякров НР.

Критерии идентификации сектантства могут иметь разную степень распространенности в обществе. Сфера влияния одних ограничена рамками одного субъекта идентификации, где им приходится конкурировать с похожими критериями. Другие получают широкое распространение далеко за пределами того института общества, в котором они были изначально выработаны. Таким образом, существует большое количество различных по степени распространения и влияния критериев, подавляющее большинство из которых жестко не привязаны к выработавшим их институтам, хотя и находятся под их влиянием. Степень распространения того или иного критерия далеко не всегда связана со степенью его обоснованности и глубиной проработки. Однако на нее может оказывать воздействие ряд иных факторов, например степень влияния в современном мире конкретного института общества, в границах которого он был выработан.

Особого внимания в этом контексте заслуживает так называемая идентификация сектантства по отсутствующему основанию, в процессе которой установление совпадения как сущностных, так и второстепенных структурных, содержательных и иных характеристик отсутствует вообще. Вместо этого имеет место обыкновенный процесс наклеивания ярлыков наподобие «эта секта», без ссылки на какие-либо критерии и без приведения малейших, пусть даже совершенно несерьезных, обоснований. В этой ситуации выпадают критерии идентификации, а сам процесс, не будучи обусловлен какими-то правилами, принципами и влияниями, сводится к необоснованной демонстрации инаковости тех или иных религиозных групп, их стигматизации и инициированию в обществе вокруг самого факта их существования моральной паники.

Материалы о НРД

Идентификация сектантства не является умозрительным актом, который возможно осуществить вне зависимости от реального существования НРД. Даже в случаях с идентификацией по отсутствующему основанию необходимо наличие какого-то сообщества, которое будет «заклеймено» в качестве НРД, без учета того, является ли оно им в реальности или нет. Этот процесс невозможен без реального объекта и/или наглядных свидетельств его существования. В качестве таких свидетельств или материалов могут выступать любые письменные, вещественные, аудиовизуальные и иные источники, появившиеся в процессе деятельности НРД.

НР во всех своих формах и проявлениях глубоко и неразрывно вписана в жизнь общества. Соответственно *какие-то* материалы по ней есть в открытом доступе для всех желающих. Сложности начинают возникать в процессе поиска не просто *каких-то* свидетельств о существовании НРД, но при попытке найти материалы, удовлетворяющие конкретным критериям отнесения группы к числу НРД. Однако все эти сложности преодолимы в случае приложения субъектом

идентификации даже умеренных усилий по их поиску. НРД не скрывают свою работу в той степени, чтобы все те, кто действительно желают найти информацию, необходимую для их идентификации, не могли бы этого сделать. Возникает вопрос: почему в таком случае столь малое количество НРД вовлекается в процесс идентификации?

Ответ, на наш взгляд, достаточно прост: ни для одного института общества реакция на феномен НР, рефлексия над ним, а как следствие, и процесс идентификации сектантства не являются сколько-нибудь приоритетными или даже важными направлениями работы. Уровень интереса к этой теме и объем выделяемых на нее человеческих и материальных ресурсов практически всегда сильно ограничен. Все субъекты идентификации находятся как бы в пассивном модусе реакции на сектантство и не предпринимают активных попыток разобраться во всем многообразии его форм и разновидностей. Они не желают тратить свое время и силы на работу в этом направлении, а сам процесс выстраивают с опорой на минимально достаточные основания для завершения акта идентификации. Последний в подавляющем большинстве случаев является именно пассивной, самоограничивающейся реакцией общества на феномен НР.

Отсюда же проистекает специфика как их работы с материалами самих НРД, так и всего процесса в целом. Замечается только то, что по каким-то своим параметрам начинает сильно выделяться на общем фоне, кому-то мешать, требовать растраты вечно отсутствующих у субъектов идентификации ресурсов и сил. Например: а) НРД вырастает до таких размеров, что игнорировать его уже просто невозможно; б) в группе случается какое-то происшествие криминального характера с жертвами и пострадавшими; в) организация сама слишком активно добивается внимания к своим политическим, социальным и иным проектам; г) НРД привлекает к себе внимание слишком навязчивыми методами миссионерской работы, и т. д., и т. п. Любая аномалия вынуждает одного или нескольких субъектов идентификации каким-либо образом среагировать на НРД (что неизменно предполагает предварительную его идентификацию). Чем более заметна аномалия, тем большее количество институтов общества вынужденно обращают на нее внимание. В результате из всего многообразия реально доступных первичных материалов НРД внимание к себе привлекают только те из них, которые напрямую зависят от специфики самой аномалии. При этом никто не ищет новые материалы по таким же группам, которые либо себя пока еще никак не проявили, либо, несмотря на свою активность, остались незамеченными. Здесь важно также отметить влияние типа НР на степень уделяемого ему внимания и частоту реакции на него со стороны разных институтов общества. Наиболее заметными для субъектов идентификации являются высокоструктурированные типы НР, которые составляют не более 1/6 всех форм сектантства. Средне- и слабоструктурированные формы НР, охватывающие 5/6 всех форм сектантства, обращают на себя гораздо меньше внимания и намного реже становятся предметом общественных дискуссий.

Специфика субъекта идентификации является дополнительным фактором, влияющим на избирательный подход к приобщению материалов НРД. Она формируется под влиянием ряда внутренних факторов:

- а) установок, целей и задач субъекта идентификации по отношению к НРД;
- б) особенностей критериев отнесения групп к числу НРД;
- в) наличия разработанных инструментов и методов применения на практике означенных критериев;
- г) наличия структурного подразделения, специализирующегося на теме НРД и накапливающего опыт данного субъекта по работе в этой области;
- д) уровня знаний и понимания конкретным представителем субъекта основных установок своего института в области работы с НРД, а также критериев и методов их идентификации;
- е) предшествующего опыта его работы с НРД.

Совокупность факторов, влияющих на субъект идентификации, приводит к формированию уникального набора параметров и характеристик материалов, на которые будет обращать внимание данный институт общества. Им формируется специфический фильтр отбора материалов, в котором будут задерживаться данные только тех организаций, которые удовлетворяют заданным критериям. Сами эти критерии, как уже отмечалось выше, могут отвечать последнему слову науки, а могут быть второстепенными и малозначимыми. Те материалы, к которым окажутся нечувствительны фильтры одних институтов общества, могут задержаться в фильтрах других институтов и стать основанием для их идентификации с НРД. В результате одни и те же свидетельства, документы и материалы по-разному воспринимаются и интерпретируются различными институтами общества.

В том случае, если у конкретного представителя того или иного субъекта идентификации нет предшествующего опыта работы с этой темой или нет понимания всей специфики и знания критериев, то он будет «изобретать велосипед», спонтанно реагируя на этот феномен в меру своих представлений и желаний в чем-то разобраться. Автору приходилось неоднократно встречать представителей самых разных субъектов идентификации, которые осознанно либо сами того не понимая выстраивали собственную линию отношения к НРД, идущую вразрез с установками их учреждений.

Конечно, из правила пассивной реакции всех институтов общества на феномен НР есть исключения в виде отдельных ученых, общественных активистов, представителей тех или иных институтов общества, которые вопреки общей тенденции начинают заниматься не некоторыми, наиболее заметными и кричащими проявлениями сектантства, но всем многообразием его форм в целом. Они работают со всеми типами свидетельств и материалов, замечают и фиксируют все те группы, которые прошли незамеченными через фильтры всех остальных субъектов идентификации. В результате у них собирается информация обо всех тех НРД, которые присутствуют в обществе, но никак на общем фоне не выделяются². Это приводит к серьезному разрыву между количеством НРД, идентифицированных обществом в пассивном режиме, и количеством

²Интересно, что представители антикультульной школы сектоведения под это исключение из правила не попадают. Во-первых, их ориентация только на опасные группы не позволяет обратить внимание на огромное количество иных секторов НР. Во-вторых, они пассивны и ограничиваются критикой только небольшого количества групп, попадающих под выбранный критерий опасности.

НРД, известных специалистам, активно и целенаправленно занимающимся их изучением и анализом.

Чем менее продуман и обоснован конкретный набор критериев, разделяемый тем или иным институтом общества, тем меньшее количество материалов будет попадать в фильтры поиска информации. Это приведет как минимум к неадекватной оценке степени распространения феномена сектантства в обществе. Это же может вызвать потерю внимания к теме и временное прекращение процесса идентификации. В том случае, если, несмотря на неадекватные критерии, институт будет проявлять более или менее устойчивый интерес к НР, его представления о сектантстве будут все сильнее наполняться идеологической составляющей, призванной компенсировать недостаток фактуры. Это неизменно будет подрывать как жизнеспособность самого процесса идентификации в его границах, так и доверие к его позиции по вопросу НРД. Чем проще и чем ближе к реальности сектантства будут критерии идентификации сектантства, тем чаще будут встречаться конкретные материалы, их подкрепляющие, и тем жизнеспособнее будут они сами и механизм, их поддерживающий.

Интенциональность идентификации сектантства

Несколько ранее мы отметили, что важнейшей характеристикой сектоведческой мысли вообще и системы идентификации сектантства в частности является их интенциональность³. Под интенциональностью в данном случае понимается сфокусированность субъектов идентификации на более или менее четко зафиксированном наборе НРД. Последние выступают в качестве фонового знания, источника и побудительной причины к теоретизированиям о НР. Информация о них обобщается с учетом специфики института общества, и на ее основании создаются критерии идентификации. Эта процедура повторяется каждый раз заново в тех случаях, когда опыт предшествующих распознаваний сектантства считается в какой-то мере неудовлетворительным либо просто забыт. Влияние интенциональности на критерии состоит также в уменьшении общего объема НРД, которые потенциально могли бы подпасть под них. Чем меньшее количество групп попадают в фокус внимания на стадии выработки критериев и чем более они гомогенны по своим ключевым характеристикам, тем меньше будет количество и внутреннее разнообразие потенциально охватываемых ими НРД. Таким образом, на селективность восприятия НР в общественном дискурсе существенное влияние оказывают как минимум четыре основных фактора:

- а) специфика субъекта идентификации;
- б) пассивный модус его реакции на феномен НР;
- в) избирательный модус его реакции на НР, состоящий в ориентации на высокоструктурированные сообщества;
- г) интенциональность процесса идентификации сектантства.

Как уже отмечалось, главным следствием избирательности восприятия сектантства в общественном дискурсе является отсутствие идентификации значи-

³ Мартинович. Указ. соч. С. 85–86.

тельного количества религиозных групп в качестве НРД, при их фактической принадлежности к феномену НР. Иначе говоря, объем секторов религиозного пространства, потенциально охватываемых критериями всех субъектов идентификации в конкретный период времени для той или иной страны мира, будет отличаться от аналогичного объема для других стран и периодов истории. В любых обществах неизменно будут присутствовать так называемые серые пятна, или сектора, религиозной жизни общества, которые, несмотря на свое фактическое существование, не охвачены вниманием, не изучены и не идентифицированы. Размеры этих «серых пятен» в разные столетия и на разных территориях будут варьироваться в зависимости от степени и уровня развития рефлексии общества над фактическим разнообразием религиозного пространства. При этом логично предположить, что содержательное наполнение этих «серых пятен» будет относиться именно к НР, так как традиционные формы религиозности практически всегда первыми попадают в сферу общественного внимания и рефлексии.

Можно выделить две основные разновидности «серых пятен», или неидентифицированных секторов НР. К первой будут относиться группы, которые подпадают под критерии сектантства конкретного субъекта, но тем не менее им к сектантству не относятся. Наличие у того или иного института общества четких критериев идентификации еще ничего не говорит как о том, что они будут в реальности применены, так и о том, что кто-то будет пытаться исчерпать всю совокупность групп, по отношению к которым их в принципе можно было бы применить. На основании этого необходимо различать потенциальную и наблюдаемую границы феномена НР в представлениях различных институтов общества. К «потенциальной границе» будет относиться вся совокупность религиозного пространства, которая, согласно критериям одного или нескольких субъектов идентификации, должна была бы относиться к НР. К «наблюдаемой границе» будет относиться вся совокупность религиозного пространства, которая уже была идентифицирована теми или иными институтами общества в качестве НР. Вторая разновидность «серых пятен» будет располагаться в рамках фактической, или «действительной, границы» сектантства, охватывающей всю НР в целом, включая не подпадающие под критерии всех субъектов идентификации сектора религиозного пространства.

Точное соотношение идентифицированных и нераспознанных групп НРД друг с другом неизвестно. Однако можно предположить, что количество последних многократно превышает число идентифицированных НРД. Понимание необозримых размеров «потенциальной» и «действительной» границ НР приходит по мере погружения исследователя в анализ НРД, которые никто никогда нигде и ни в какой форме не анализировал и не относил к числу НР.

Интенциональность процесса идентификации сектантства является важнейшим фактором, удерживающим сектоведение от размывания границ его предметного поля, концентрирующим и направляющим его внимание на конкретные, актуальные и доступные объекты исследования. Однако в то же самое время она на определенном этапе из фактора, охраняющего и стимулирующего его развитие, превращается в фактор, это же развитие и тормозящий.

«Расширение девиации» и «моральная паника»

В контексте проблемы идентификации сектантства особый интерес представляют теории «расширения девиации» и теории «моральной паники». Первые утверждают, что сам факт негативной реакции общества на любые девиации в конечном итоге приводит только к их увеличению⁴. Теории «моральной паники» идут еще дальше и полагают, что простая тематизация обществом девиации, вне зависимости от ее наличия или отсутствия, способна порождать девиантное поведение фактически на пустом месте⁵. В первом случае ключевую роль играет момент выбора объекта, на умеренную девиацию которого общество начинает реагировать. Во втором случае важен момент выбора объекта, вокруг которого в обществе начинает раздуваться моральная паника даже в том случае, если с его стороны никаких существенных поводов к тому нет. Как разработчики теорий «расширения девиации», так и теоретики «моральной паники» для иллюстрации своих концепций периодически приводят в пример сектантство, приходя к выводу, что идентификация сектантства инициирует критику НРД и в конечном итоге: а) создает проблему сект, которой в реальности не существует; б) способствует необоснованной стигматизации и преследованию религиозных организаций; в) является ключевым фактором в развитии у них деструктивной составляющей, направленной как на самих членов группы, так и на внешний мир⁶.

В истории сектантства действительно есть примеры раздувания моральной паники вокруг тех или иных НРД или сектантских явлений (например, вокруг ритуального насилия сатанистов в 1980–1990-х гг. в США). Можно также найти иллюстрации для теории расширения девиации (например, Ветвь Давида, Народный Храм). Однако сторонники этих концепций, часто вопреки взглядам и идеям их разработчиков, делают фатальную ошибку, распространяя эти достаточно удобные и работающие концепции на всю необозримую совокупность случаев и примеров идентификации сектантства. Как уже отмечалось, этот процесс гораздо шире и масштабнее, чем любые возникающие в общественном дискурсе баталии вокруг отдельных НРД. Более того, идентификация сектантства, основывающаяся на корректных и обоснованных критериях, является мощным фактором предотвращения моральной паники вокруг него. С одной стороны, она вскрывает глубину включенности сектантства в повседневную жизнь населения, с другой — показывает несостоятельность большинства распространяемых вокруг НРД страхов. Население боится того, чего не знает. Соответственно, спокойное и обоснованное информирование о сектантстве приводит к уничтожению страхов, а не к их росту.

Среди важных компонентов «моральной паники», согласно ее основным теоретикам, можно упомянуть сенситивизацию населения относительно объекта паники, а также масштабные акции протеста среди населения против него же.

⁴ Wilkins L. T. *Social Polity, Action and Research*. L., 1964.

⁵ Cohen S. *Folk Devils & Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers*. Oxford, 1990; Goode E., Ben-Yehuda N. *Moral Panics. The Social Construction of Deviance*. Oxford, 2009.

⁶ См., например: Wessinger C. *How the Millennium Comes Violently*. N. Y., 2000; Hall J. R., Schuyler P. D., Trinh S. *Apocalypse Observed: Religious Movements and Violence in North America, Europe and Japan*. L.; N. Y., 2000.

Однако ни того, ни другого даже во время самых активных дискуссий по теме НРД в обществе не наблюдается. Даже в тех случаях, когда конкретные люди слышали о сектах и беспокоятся о том, чтобы не соприкоснуться с ними, они не имеют четких представлений, как выглядят сектанты, не могут представить их вне площадок СМИ и не знают, на кого они могут толком обратить свое негодование в реальной жизни. Таким образом, хорошо продуманные теории «расширения девиации» и «моральной паники» имеют весьма ограниченную область применения в сфере НР.

Нельзя не упомянуть замечание Хампшира и Бэкфорда по данной теме. В 1983 г. ученые подвергли сомнению безоговорочную применимость концепции расширения девиации к НРД⁷. Ученые предположили, что враждебность со стороны окружающего общества к НРД является одним из элементов механизма социального контроля над отклоняющимися формами их поведения. При этом следствием такого контроля может быть не только увеличение девиации, но и ее уменьшение. В контексте этой теории активная критика сектантства является фактором, стабилизирующим конфессиональное пространство, а не расшатывающим его.

Последствия идентификации сектантства

Идентификация сектантства является первым этапом рефлексии над феноменом НР, и в каком-то смысле именно с нее начинается сектоведение во всех его школах и разновидностях, включая академическое изучение НРД. В качестве инструмента, позволяющего разным институтам общества лучше сориентироваться в религиозном пространстве, она является фактором увеличения стабильности во взаимоотношениях между религиозными организациями и окружающим их обществом.

Последствия от конкретного акта идентификации для самих религиозных групп напрямую зависят от того, кто их относит к числу НРД и в какой форме это делается. Особое значение при этом имеют два фактора: а) степень публичности процесса; б) сопряжение идентификации с оценкой организации.

В подавляющем большинстве случаев идентификация происходит вне общественных дискуссий на внутриинституциональном уровне. Государство, Церковь, ученые и др. в рамках своей работы решают, что конкретная организация относится к числу НРД, но не делают при этом каких-либо публичных заявлений на эту тему. Такое внутреннее решение может иметь ряд серьезных последствий, так как все эти институты скорректируют свое отношение к группе в соответствии с новым ее восприятием. Публичное отнесение конкретным субъектом идентификации этой же группы к числу НРД может вызвать серьезный резонанс, дискуссии и обратную реакцию как со стороны иных институтов общества, так и от самих НРД.

Представление результатов идентификации может сопровождаться наполнением их всем спектром коннотаций и оценок — от позитивных до нейтральных

⁷ Hampshire A. P. Religious sects and the concept of deviance: The Mormons and the Moonies // British Journal of Sociology. 1983. Vol. 34:2. P. 208–229.

и ярко негативных. Безоценочное и нейтральное отнесение организаций к числу НРД воспринимается ими достаточно спокойно. Однако даже в случае, если группе становится известен сам факт ее идентификации с НРД, это начинает оказывать на нее определенное влияние. В лучших традициях хоторнского эффекта НРД, которые знают о том, что находятся под чьим-то пристальным вниманием, что кто-то их изучает, кто-то что-то о них пишет, как-то о них отзывается в прессе, ведут себя несколько иначе, чем неидентифицированные сообщества, которые убеждены, что они никому не интересны, что у них нет внешних врагов, друзей и просто наблюдателей. У распознанных НРД развивается так называемая поправка на сектантство, которая предполагает, что они знают и учитывают в своей работе факт отнесения их к числу НРД. Их реакция во многом зависит от того, кем и в какой форме была проведена идентификация. Если последняя сопровождалась критикой, вне зависимости от степени ее обоснованности, уместности и оправданности, это воспринимается НРД без особого энтузиазма. Они могут демонстративно игнорировать ее, пассивно отрицать ее обоснованность, активно пытаться ее опровергнуть. В любом случае в их дискурсе появляются компоненты самозащиты от нападок извне, а само учение начинает оттачиваться под воздействием реальных и воображаемых внешних угроз. При этом чем эффективнее НРД создают образ гонимых и преследуемых, тем лучше они мобилизуются на собственную защиту, активизируют последователей на самоотверженную работу, искусственно повышают претензии на важность и актуальность учения для рядовых членов, лучше приспособляются к выживанию в мире.

НРД становится проще обосновать свою значимость отсылкой на множество сильных «врагов», «ополчившихся» на него из-за того, что они не способны вынести «свет истины», хранимой организацией. Изучение автором истории сектантства, а также наблюдения за огромным количеством не идентифицированных в общественном дискурсе в качестве НРД организаций, которые *de facto* по всем своим ключевым характеристикам относятся к НР, подтверждают выводы Хампшира и Бэкфорда. Публичная идентификация сектантства является фактором, способствующим укреплению и развитию НРД. Многие крупные и сильные секты сталкивались с идентификацией в общественном дискурсе и критикой на самых ранних стадиях своего существования, тогда, когда они были малоизвестны и еще ничего собой не представляли. Детальное изучение истории появления мормонов, дианетики, пятидесятничества, Свидетелей Иеговы, кришнаитов, Семьи (Дэвида Берга) и множества иных крупных сект и культов являет наглядный тому пример. Таким образом, идентификация сектантства может обладать определенным конфликтогенным потенциалом, обратная сторона которого оказывает стабилизирующее влияние не только на субъекты идентификации, но и на сами НРД. При этом весьма распространенное в обществе убеждение, что в процессе идентификации сектантства об НРД говорится главным образом «плохо», для автора данной статьи совершенно неочевидно. Пока еще никем не проводился сравнительный анализ как общего объема негативных, нейтральных и позитивных материалов о НРД, так и степени их влияния на общество.

Чем сильнее отличаются результаты идентификации сектантства разных институтов общества, тем больший возникает конфликт вокруг того, какие груп-

пы можно относить к НРД, а какие нельзя. Логика развития конфликтов вокруг результатов этого процесса представляет собой отдельную весьма интересную тему, которая не может быть разобрана в рамках данной статьи. Отметим только, что стремление разрешить эти конфликты в какую бы то ни было сторону является признаком глубокой вовлеченности в них. Так, например, академический ученый выходит за границы «чистой науки» в тот момент, когда пытается навязать в общественном дискурсе научное и более чем обоснованное восприятие феномена сектантства.

В завершение следует кратко затронуть вопрос влияния изменений в степени дифференциации религиозного пространства на процесс его осмысления институтами общества. Это влияние имеет комплексный характер, обусловленный как уже разобранными выше особенностями системы идентификации сектантства, так и спецификой процесса прогрессирующей дифференциации религиозного пространства. Существенная для данной темы особенность этой специфики состоит в том, что в зависимости от конкретного места и периода истории этот процесс в различной степени охватывал разные типы НР. В тех случаях, когда он затрагивал преимущественно высоко структурированные типы НР, возрастала вероятность более активной общественной реакции. Смещение акцента на слабо- и среднеструктурированные типы НР сводило реакцию общества к минимуму. В результате достаточно часто существенные изменения в НР в лучшем случае становятся известными по результатам исследований ученых, но очень слабо ощущаются и воспринимаются в границах общественного дискурса в силу самой специфики процесса идентификации сектантства.

Интересной иллюстрацией несоответствия реальных процессов их восприятию в обществе является весьма распространенный миф о массовом возникновении НРД в 1960–1970-х гг. Статистика не подтверждает более активного появления НРД в этот период времени по сравнению, например, с началом или концом XX столетия⁸. Имел место лишь аномально высокий рост обращений населения в НРД, который вызвал представления о том, что активный уход в НРД является свидетельством их массового появления. То есть НРД активно идентифицировались в тот период времени не потому, что их становилось больше, но только потому, что они были более заметны. Именно их заметность интерпретировалась как их массовое возникновение.

Настоящая статья является лишь кратким введением в вопрос и не может претендовать на всесторонний анализ заявленной темы. Ученым еще предстоит исследовать проблему сбоев в идентификации сектантства, специфику влияния на этот процесс разных типов НР и стадий развития конкретных групп, уровень развития рефлексии на тему НРД в обществе в целом, влияние различных субъектов идентификации друг на друга и многие иные важные темы и вопросы.

Ключевые слова: идентификация сектантства, нетрадиционная религиозность, новые религиозные движения, интенциональность сектоведения, границы нетрадиционной религиозности, секты и общество.

⁸ *Мартинович. Указ. соч. С. 217.*

IDENTIFICATION OF SECTARIANISM

V. MARTINOVICH

«New religious movements and society» is traditionally one of the most sophisticated topics in the area of new religions studies. Its problem field is so huge that up to now by far not all important research themes were even touched by scientists from all over the world. The problem of the process of the identification of sectarianism by different societal institutions is one of such untouched themes that is taken as the main subject of this article. This process by itself is an inseparable part of the every societal deliberate reaction to the very existence of unconventional religiosity, its unstructured and mainly structured types. The focal point of the article is step-by-step analysis of the general structure elements of the process of the identification of sectarianism without any reference to the specific time and place of its flow. Special attention is paid to the analysis of the subjects of the identification of sectarianism, to the criteria for religious groups to be qualified as new religious movements, and to the specific features of the process of documents filtration. The causes of selective perception of sectarianism are disclosed. Some main consequences and unpredictable outcomes of the process of the identification of sectarianism are described.

Keywords: identification of sectarianism, unconventional religiosity, new religious movements, intentionality of cult studies, borderlines of unconventional religiosity, cults and society.

Список литературы

1. *Мартинович В. А.* Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Минск, 2015. Т. 1.
2. *Cohen S.* Folk Devils & Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers. Oxford, 1990.
3. *Goode E., Ben-Yehuda N.* Moral Panics. The Social Construction of Deviance. Oxford, 2009.
4. *Hall J. R., Schuyler P. D., Trinh S.* Apocalypse Observed: Religious Movements and Violence in North America, Europe and Japan. L.; N. Y., 2000.
5. *Hampshire A. P.* Religious sects and the concept of deviance: The Mormons and the Moonies // British Journal of Sociology. 1983. Vol. 34:2. P. 208–229.
6. *Wessinger C.* How the Millennium Comes Violently. N. Y., 2000.
7. *Wilkins L. T.* Social Polity, Action and Research. L., 1964.